

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-476-482
УДК 340.113.1

Лингвистические противоречия в сфере законотворчества и правоприменения

Ольга Викторовна БЕЛЯНСКАЯ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8936-2766>, e-mail: 520877@mail.ru

Linguistic controversy in the sphere of law making and enforcement

Olga V. BELYANSKAYA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8936-2766>, e-mail: 520877@mail.ru

Аннотация. Проведён анализ лингвистически-правового характера юридического дискурса различных видов юридической деятельности: правотворческой, правореализационной, в результате которого были выявлены новые формально-языковые особенности юридических текстов. На примере статьи 358 Уголовного кодекса РФ об экоциде был выявлен ряд недостатков: выбор неверного члена синонимического ряда и неконкретное содержание санкции. Выявлены определённые лингвистические недостатки, которые могут стать препятствием для успешного использования этой правовой нормы в процессе её реализации. Констатируется, что слабое развитие лингвистических навыков юристов, которые необходимы им для правильного осуществления своих полномочий, неумение адекватно выражать мысль может привести к ущемлению прав, свобод и законных интересов граждан. Текстовые недостатки, как и грубые лингвистические ошибки, снижают эффективность российского законодательства, затрудняя понимание сущности правовой нормы. Для решения этих проблем необходимо проведение грамотной лингвистической экспертизы, которая улучшит текстовые показатели нормативно-правового акта. Обоснованы перспективы взаимодействия юридической и лингвистической наук, что связано с возникновением новых направлений взаимодействия юриспруденции с различными лингвистическими междисциплинарными направлениями (семиотикой, социо- и психолингвистикой, когнитивной лингвистикой и др.).

Ключевые слова: юрислингвистика; лингвоюридический анализ; язык права; лингвистическая экспертиза; юридический текст; статья 358 УК РФ

Для цитирования: Белянская О.В. Лингвистические противоречия в сфере законотворчества и правоприменения // Неофилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 476-482. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-476-482

Abstract. We analyze the linguistics and legal nature of the legal discourse of various types of legal activity: law-making, law-realization, as a result of which we reveal new formal and linguistic features of legal texts. On the example of article 358 of the Criminal Code of the Russian Federation on ecocide we reveal a number of shortcomings: the choice of the wrong member of the synonymous series and the non-specific content of the sanction. Revealed certain linguistic shortcomings can become an obstacle to the successful use of this legal norm in the process of its implementation. The weak development of lawyers' linguistic skills, which they need for the proper exercise of their authorities, the inability to adequately express the thought can lead to infringement of the rights, freedoms and legitimate interests of citizens. Textual shortcomings, as well as gross linguistic errors, reduce the effectiveness of Russian legislation, make it difficult to understand the essence of the legal norm. To solve these problems, it is necessary to conduct a competent linguistics

tic examination, which will increase the text indicators of the regulatory act. The prospects of interaction of legal and linguistic sciences are reasonable due to the emergence of new directions of interaction of jurisprudence with various linguistic interdisciplinary directions (semiotics, socio- and psycholinguistics, cognitive linguistics, etc.).

Keywords: legal linguistics; linguistic and legal analysis; law language; linguistic expertise; legal text, art. 358 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Belyanskaya O.V. Lingvisticheskiye protivorechiya v sfere zakonotvorchestva i pravoprimeneniya [Linguistic controversy in the sphere of law making and enforcement]. *Neophilologia – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 476-482. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-476-482 (In Russian, Abstr. in Engl.)

ВВЕДЕНИЕ

Несовершенство языка права значительно усложняет любой вид юридической деятельности: правотворческий, правореализационный и правоинтерпретационный. В большинстве случаев это приводит к искажённому пониманию смысла правовой нормы и её реализации, что влечёт за собой снижение правовой культуры как отдельных субъектов права, так и населения страны в целом. Не всегда даже специалисты могут правильно понять правовую информацию, содержащуюся в нормативном правовом акте, а значит эффективно реализовать нормы в конкретных правоотношениях.

В этой связи целью статьи является оценка необходимости и важности использования лингвистических правил при осуществлении различных видов юридической деятельности, выявление особенностей герменевтического подхода при решении проблем адекватного понимания смысла юридических текстов с учетом лингвистических приёмов.

Предметом исследования выступают лингвистические особенности юридического дискурса, определяющие механизмы правотворческого, правореализационного и правоинтерпретационного процессов.

Методологическую основу статьи составил комплексный подход, сочетающий в себе системный, формально-юридический и логико-языковой методы, а также метод лингвистического и дискурсивного анализа.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Впервые о необходимости взаимодействия юриспруденции и словесности высказались правоведы эллинистического периода. Римские юристы сформулировали основную

цель юрислингвистической науки, которая состоит в том, что «право может и должно быть определённым» [1, с. 68]. В дальнейшем задачи юрислингвистики только расширялись. В средние века в рамках герменевтической науки появилось правоинтерпретационное направление. В этот период право было тесно связано с религиозными воззрениями, поэтому толкование текстов философско-религиозного характера обязательно затрагивало сферу государственно-правовой жизни.

Активное развитие юрислингвистики относится к началу XX столетия, поскольку модернистская картина мира предполагала бурное взаимодействие различных научных и культурных областей. В первую очередь учёных привлекала проблема стиля нормативного акта. Была разработана теория функциональных стилей, в которой язык закона выделялся как особый подстиль.

Спектр проблем, которые рассматриваются в рамках юрислингвистики, очень широк. Актуальными направлениями взаимодействия юриспруденции и лингвистики являются «лингвистическая экспертиза юридических документов, разработка правил создания текстов нормативно-правовых актов, теоретическое исследование и практическое обоснование различных аспектов юридического перевода, языковая криминалистическая экспертиза» [2, с. 20] и др.

Необходимость в данной экспертизе связана с тем, что далеко не всегда тексты нормативно-правовых актов соответствуют всем требованиям лингвистической науки. В этой связи очень важным представляется укрепление взаимодействия между лингвистами и юристами. Юрислингвистика – ведущее направление междисциплинарного характера. Исследования, проводимые в рамках этой науки, направлены на совершенствование

языка права, повышение эффективности правоинтерпретационной деятельности и упрощение процесса реализации гражданами своих основных прав.

Правотворческая деятельность, как никакая другая юридическая деятельность, требует активного внедрения лингвистических знаний и анализа юридического текста с учетом лингвистических правил и принципов.

Лингвистические недостатки текста закона выявляются при анализе лексического и синтаксического уровней. Наиболее часто законодатели неправильно или неуместно употребляют те или иные понятия, не давая при этом разъяснений, неверно выбирают грамматические формы и синонимы, утяжеляют синтаксические конструкции, что значительно затрудняет восприятие текста. Важно понимать, что вследствие отсутствия четкой системы правил создания юридического текста законодатель, по сути, при написании закона руководствуется только собственной языковой культурой. Однако законопроект должен быть составлен с учетом многочисленных лингвистических нюансов, которые обеспечат его эффективность.

С целью анализа терминологического содержания юридического дискурса за основу возьмем статью 358 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), устанавливающую ответственность за такой вид преступления, как экоцид, и определим, каким образом терминологическая неопределенность может повлиять на дальнейшую реализацию данной нормы.

Термин «экоцид» произошёл от греческого слова «οἶκος» (дом) и латинского «occideo» (убиваю, уничтожаю). При буквальном переводе слово «экоцид» означает «уничтожаю дом». В современном русском языке такое значение близко словарному определению данного понятия: «Экоцид – уничтожение среды обитания животных и человека» [3, с. 209]. Данный термин относится к специальным понятиям, пришедшим из различных сфер общественной жизни, в частности, из области экологии и охраны окружающей среды. Наиболее полное представление об экоциде можно составить только в результате лингвистического анализа данного понятия.

Так, согласно ст. 358 УК РФ, экоцид – массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу, из чего можно установить, что экоцид наносит непоправимый ущерб окружающей среде, в результате чего она становится непригодной для существования человека, животных и растений. Термин «экоцид» близок к термину «геноцид». Геноцид – уничтожение определённой группы человечества по национальному, этническому или религиозному признаку или причинение значительного ущерба такой группе. Оба термина имеют яркую негативную коннотацию.

Основу лексического состава приведённой статьи составляет группа слов, относящихся к экологической терминологии. Это обусловлено тем, что статья регулирует область общественных отношений, связанную с взаимодействием человека и окружающей среды. К экологической терминологии относятся также слова: «растительный мир», «животный мир», «атмосфера», «водные ресурсы». Названные термины находят своё определение в других нормативно-правовых актах специальной экологической направленности. Например, термину «животный мир» даётся подробное определение в тексте Федерального закона от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире»: животный мир – совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации.

Стоит отметить, что в современном русском языке подобные слова, относящиеся к окружающей среде и носящие терминологический характер, формируют тематическую группу «Природа», к которой и относятся словосочетания «растительный мир» и «животный мир». Однако определение термина, данное в тексте закона, может несколько отличаться от определений, содержащихся в отраслевых энциклопедических словарях. Это обусловлено тем, что законодателя в большей степени интересует место существа,

предмета или явления в общественной иерархии, выполняемые ими функции и их нормальное состояние, в котором они не причиняют вреда окружающей среде. В то же время специалиста в той или иной отрасли интересуют внутренние характеристики существа, предмета или явления, законы их функционирования и т. д.

Большинство понятий анализируемой нами статьи являются многозначными (полисемантическими). В данном контексте лексемы употребляются только в своём прямом (номинативном) значении, что связано с необходимостью однозначного понимания текста широким кругом лиц. Например, согласно словарю С.И. Ожегова, лексема «атмосфера» включает прямое значение («газообразная оболочка, окружающая Землю, некоторые другие планеты, Солнце и звёзды») и переносное («окружающие условия, обстановка») [4].

Объектом уголовно-правовой защиты ст. 358 УК РФ являются элементы окружающей среды, в которую включается атмосфера как воздушная оболочка Земли. Иными словами, уголовным законом устанавливается ответственность за отравление воздуха, а не за отравление, например, дружеской атмосферы. Можно сделать вывод, что в данном контексте используется прямое (номинативное) значение лексемы «атмосфера».

При реализации данной нормы ключевым признаком для квалификации преступления по ст. 358 УК РФ будет угроза экологической катастрофы. Из чего следует, что данная угроза возможна в результате совершения любого из действий, указанных в диспозиции ст. 358 УК РФ. Важно отметить, что совершаемые преступником действия должны носить характер общественной опасности. Если в результате совершения определённых действий был причинён вред окружающей среде, но общественная опасность в виде экологической катастрофы не наступила, то данное деяние не будет квалифицироваться как уголовное.

В ст. 358 УК РФ речь идёт о том, что пагубные последствия экологической катастрофы отрицательно влияют на окружающую среду, они представляют угрозу для существования мира природы и приводят к уничтожению растительного и животного мира.

Однако глагол «уничтожить» имеет значение прекратить существование кого/чего-нибудь, истребить [4, с. 724]. Образованное от этого глагола существительное «уничтожение» имеет аналогичное значение, поскольку помещено в этой же словарной статье.

Обращает на себя внимание тот факт, что глагол «уничтожить», к которому восходит отглагольное существительное «уничтожение», имеет целый ряд синонимов. К синонимическому ряду глагола «уничтожить» будут относиться глаголы со значением прекращения существования кого-либо или чего-либо. Можно привести такой синонимический ряд глагола «уничтожить»: истреблять, ликвидировать, изничтожить (просторечное), изводить (просторечное), крушить, сметать, ломать, изживать и др. [5, с. 473]. Приведённые лексемы чаще употребляются в значении «действие человека», в отличие от глагола «уничтожить».

Диспозиция анализируемой статьи состоит из одного осложнённого предложения, которое можно назвать «слитным». А.М. Пешковский слитным называет предложение, «включающее в свой состав однородные члены» [6, с. 445]. В составе анализируемой конструкции выделяется ряд однородных подлежащих: уничтожение, отравление, совершение. Они относятся к одному и тому же члену предложения – сказуемому «наказываются». Сочинительная связь между однородными членами предложения «уничтожение», «отравление» находит своё выражение в перечислительной интонации, на что указывает бессоюзное соединение однородных членов. Наличие сочинительных союзов «а» и «также» перед существительным «совершение» устанавливает сочинительную связь с предыдущими существительными «уничтожение» и «отравление». Сочинительный союз «а» в значении «добавление чего-нибудь при последовательном изложении» в сочетании с присоединительным по своему разряду союзом «также» присоединяет член предложения «совершение» к однородным подлежащим «уничтожение», «отравление». Сочетание союзов «а также» выполняет синтаксическую функцию перечисления. Все однородные подлежащие в анализируемом предложении могут быть соединены между собой сочинительным союзом «и» без потери

смысла данного высказывания, так как они являются равноправными составляющими понятия «экоцид» и преследуются по закону равным образом.

Употребление в нормативно-правовом акте конструкции «а также совершение иных действий» свидетельствует о том, что в законе не всегда определён исчерпывающий перечень актов противоправных деяний, поскольку правонарушение может совершаться различными способами.

А.Г. Кибальник и И.Г. Соломоненко отмечают, что «в ст. 358 Уголовного кодекса РФ «Экоцид» список действий, способных вызвать экологическую катастрофу, может быть расширен. Эти действия могут совершаться в виде воздействия на водные ресурсы и атмосферу химически активными веществами, продуктами биологического распада, искусственным изменением физического и химического составов водной или воздушной сред. В результате научно-технического развития также возможно появление новых факторов, следствием которых может явиться наступление экологической катастрофы» [7, с. 20]. Подобным способом законодатель оставляет за собой право расширения круга действий, квалифицируемых по ст. 358 УК РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что термин «экоцид» полностью не раскрыт в тексте Уголовного кодекса РФ, и это требует дополнительных интеллектуальных ресурсов в виде интерпретационной деятельности, которая также должна основываться на лингвистических правилах и приёмах.

Толкуя данную норму (как и любую другую), нужно учитывать, что определения экологических терминов, используемые в статье, фиксируются не только в словарях, но и в законах. Законодатель описывает те характеристики, которые наиболее важны для правовой сферы, но не раскрывает при этом детальный смысл понятия. С одной стороны, это соответствует тому, что юридический текст должен быть лаконичным и компактным. С другой стороны, довольно сложным представляется разграничение степени вреда, причинённого в результате экоцида и иных видов экологических преступлений. Вследствие этого в правоприменительной, в частности, судебной практике могут возникнуть

определённые трудности с правильной квалификацией деяния.

Мы можем констатировать, что при проведении лингвоюридического анализа ст. 358 УК РФ «Экоцид» нами были выявлены определённые лингвистические закономерности и недостатки, которые, как мы полагаем, могут затруднить понимание текста статьи и, как следствие, её реализацию. Обычный гражданин, не обладающий высоким уровнем грамотности, может составить неправильное представление о понимании преступления и наказания за его совершение.

Перечисленные нарушения не являются ошибками в соответствии с языковыми требованиями, но препятствуют однозначному пониманию текста, что является одним из основных лингвистических параметров нормативно-правового акта.

Для исключения лингвистических недостатков в нормативных правовых актах должна проводиться комплексная лингвистическая экспертиза на стадии составления проекта правового акта. Это связано с тем, что лингвистические недостатки текста нормативного правового акта могут в дальнейшем привести к затруднению в реализации данной нормы, что потребует её толкования с целью конкретизации.

Н.В. Белоконь справедливо отмечает, рассуждая о языковых ошибках и дефектах в нормативных правовых актах и их проектах, что есть сложности в достижении «эффективного регулирующего воздействия закона, не добившись его максимально возможного качественного уровня» [8, с. 105]. Для решения этих проблем необходимо проведение грамотной лингвистической экспертизы, которая повысит текстовые показатели нормативного правового акта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ лингвоюридических особенностей текста нормативного акта на примере ст. 358 УК РФ об экоциде показывает, что разработанная в рамках юридического дискурса терминологическая и понятийная система не всегда способствует составлению полного понимания той или иной юридической категории вообще и правонарушения в частности. Юридический текст не может

вместить в себя огромное количество информации, в том числе подробное определение терминологической базы.

В настоящий момент лингвистическая экспертиза проектов нормативных актов направлена лишь только на устранение грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов. Это весьма узкое понимание сущности лингвистической экспертизы и её роли в правоинтерпретационной и правореализационной юридической деятельности, поскольку тогда её проведение не позволяет избежать недос-

татков в нормативных правовых актах и при реализации их положений.

Полагаем, что прежде всего в процессе правотворческой деятельности стоит обращать внимание на то, насколько точно, понятно и однозначно определены границы того или иного термина, который может выступать как основополагающее понятие данного текста. Но при этом и другие виды юридической деятельности (правоприменительная и правоинтерпретационная) требуют учёта лингвистических правил и особенностей языка права.

Список литературы

1. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И.С. Перетерского / отв. ред. Е.А. Скрипилёв. М.: Наука, 1984. 456 с.
2. Грищенко Ю.А. Актуальные вопросы современной юрислингвистики // Ярославский педагогический вестник. 2005. № 1 (42). С. 20-23.
3. Быков Б.А. Экологический словарь. Алма-Ата: Наука, 1983. 215 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.
5. Словарь синонимов русского языка / сост. А.Ю. Мудрова. М.: Центрполиграф, 2009. 507 с.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Яз. славян. культуры, 2001. 510 с.
7. Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Уголовная ответственность за экоцид // Законность. 2005. № 6. С. 20-22.
8. Белоконь Н.В. Языковые ошибки и дефекты в нормативных правовых актах, проектах нормативных правовых актов и иных юридических документах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 4. С. 104-115.

References

1. Pereteskiy I.S. (selected frag. transl. and notes), Skripilev E.A. (executive ed.). *Digesty Yustiniana* [Digests of Iustinianus]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 456 p. (In Russian).
2. Grishenkova Y.A. Aktual'nyye voprosy sovremennoy yurislingvistiki [Current issues of the modern legal linguistics]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2005, no. 1 (42), pp. 20-23. (In Russian).
3. Bykov B.A. *Ekologicheskiy slovar'* [Ecological Dictionary]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1983, 215 p. (In Russian).
4. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka: ok. 57000 slov* [Dictionary of Russian Language: About 57000 Words]. 20th ed., stereotyp. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1988, 750 p. (In Russian).
5. Mudrova A.Y. (compiler). *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2009, 507 p. (In Russian).
6. Peshkovskiy A.M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in the Scientific Communication]. 8th ed., upd. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001, 510 p. (In Russian).
7. Kibalnik A.G., Solomonenko I.G. *Ugolovnyaya otvetstvennost' za ekotsid* [Criminal liability for ecocide]. *Zakonnost'* [Legitimacy], 2005, no. 6, pp. 20-22. (In Russian).
8. Belokon N.V. *Yazykovyye oshibki i defekty v normativnykh pravovykh aktakh, proyektakh normativnykh pravovykh aktov i inykh yuridicheskikh dokumentakh* [Language mistakes and defects in normative legal acts, drafts of normative legal acts and other legal documents]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Proceedings of VSU. Series: Law*, 2016, no. 4, pp. 104-115. (In Russian).

Информация об авторе

Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: 520877@mail.ru

Вклад в статью: идея, лингвоюридический анализ, анализ юридических текстов, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8936-2766>

Поступила в редакцию 15.08.2019 г.

Поступила после рецензирования 20.09.2019 г.

Принята к публикации 21.10.2019 г.

Information about the author

Olga V. Belyanskaya, Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Professor of Law Theory and History Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: 520877@mail.ru

Contribution: idea, linguistic and legal analysis, legal texts analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8936-2766>

Received 15 August 2019

Reviewed 20 September 2019

Accepted for press 21 October 2019